

ПАМЯТИ Е. Е. ЗАМЫСЛОВСКАГО.

В ЖИЗНИ каждого человека, когда онъ перейдетъ черезъ завѣтный Рубиконъ — полувѣковой срокъ жизни, наступаетъ весьма грустный и тягостный періодъ воспоминаній о людяхъ дорогихъ и близкихъ, съ которыми когда-то мы дѣлили радости жизни, при вступленіи въ чудный возрастъ юности, съ которыми потомъ дѣлили труды и переживали печали и невзгоды зрѣлаго возраста, съ которыми рука-объ-руку встрѣчали наступающую старость, споконно оглядываясь назадъ на пройденный нами путь жизни и съ невольною тревогою ожидая неизбѣжнаго конца...

Такой именно періодъ воспоминаній приходится переживать и мнѣ, въ послѣдніе годы, когда одинъ за другимъ сходятъ въ могилу люди, съ которыми, почти не разлучаясь, я прожилъ всю жизнь, съ которыми, въ теченіе большей ея части, дѣлился думами, чувствами, горестями, радостями, трудами и планами будущихъ трудовъ,—съ которыми переживалъ первыя осмысленныя впечатлѣнія молодости и первыя болѣзненно-сознательныя ощущенія той поры, когда силы слабѣютъ, а все еще бодрый и бодрствующій духъ начинаетъ сознавать, что «плоть становится немощною» и близится къ разрушенію...

Съ Егоромъ Егоровичемъ Замысловскимъ я сошелся впервые въ сентябрѣ 1857 года, когда я явился на первыя лекціи филологическаго факультета въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Изъ пятой гимназіи, въ тотъ годъ, я поступилъ въ филологи одинъ, слѣдовательно, товарищей по гимназіи я около себя не видѣлъ и поневолѣ сталъ оглядываться и искать себѣ товарищей, съ которыми бы я могъ сблизиться. Большинство филологовъ составляли въ тѣ годы

воспитанники 3-й и 2-й гимназій, и я, съ первыхъ же дней пребыванія въ университетѣ, какъ-то неволью сталъ тяготѣть къ товарищамъ, окончившимъ курсъ во 2-й гимназій... Въ первую же недѣлю своего студенчества я высмотрѣлъ въ числѣ этихъ воспитанниковъ 2-й гимназій одного, который мнѣ особенно приглянулся и пришелся по душѣ: это былъ красивый и стройный юноша, нѣсколько блѣдный, голубоглазый, при темныхъ волосахъ, которые густымъ курчавымъ войлокомъ покрывали его голову, юноша, очень мягкій въ приемахъ и осторожный въ словахъ, и серьезный, невыносимо-серьезный и сосредоточенный, несмотря на свои 16 лѣтъ... Это и былъ въ ту пору Егоръ Егоровичъ Замысловскій, съ которымъ, можетъ быть, я потому и сошелся очень быстро, что составлялъ совершеннѣйшую противоположность ему, и хотя былъ года на три его старше, но по живости, потребности въ движеніи и горячности, былъ еще почти ребенкомъ. Сошлись мы очень быстро и такъ прочно, что почти ни на одинъ день не разлучались, и очень часто приходили въ университетъ исключительно съ тою цѣлью, чтобы повидаться другъ съ другомъ, походить рука-объ-руку по нескончаемому университетскому корридору и насладиться тою чудною товарищескою бесѣдою, которая въ ту пору текла и журчала, какъ неизсякаемый ручей, и наполняла намъ душу дивною сладостью... Да, только для этой бесѣды и сходились мы въ университетъ и толкались среди весело-шумящей молодой толпы, потому что на лекціяхъ мы — увы! — очень скоро перестали бывать... Мы поняли, что намъ немного пользы принесутъ весьма жалкіе, почти элементарные обрывки знаній, которыми угощали насъ отживающіе мѣщане печальнаго прошлаго сороковыхъ годовъ — Никитенки, Штейнманы, Лапшны, Касторскіе и Срезневскіе¹⁾, и всѣ тѣ трескучіе фразѣры, которыми нашъ университетъ обогатился въ 60-хъ годахъ, и «ихже имена Ты, Господи, вѣси...». Мы жили въ стѣнахъ университета нашею личною жизнью, а потомъ общею жизнью кружка, въ который мы вступили и съ которымъ шли все время.

Черезъ Егора Егоровича я сошелся съ другими членами быстро слагавшагося нашего кружка, воспитанниками 2-й гимназій, и въ свою очередь я свелъ ихъ съ моими бывшими товарищами по 4-й (Ларинской) гимназій. Съ половины перваго года пребыванія въ университетѣ кружокъ образовался уже вполне и сплотился такъ хорошо, что всѣ мы стали жить его жизнью и вносить въ него лучшую часть своей молодой и свѣжей жизни... Но моя тѣсная дружба съ Егоромъ Егоровичемъ была въ такой степени горяча, что мы не хотѣли другъ друга уступать никому, и это очень часто возбуждало,

¹⁾ Филологическій факультетъ въ періодъ 1857—1861 гг. былъ особенно бѣденъ силами учеными. Изъ общей массы выдѣлялись только И. Срезневскій, М. Куторга и позднѣе Костомаровъ... Но даже и Срезневскій, этотъ умный, талантливый и живой человекъ, не больше двухъ-трехъ разъ въ году угощалъ насъ живою, яркою, прекрасною, свободною и проницательною лекціей; а во все остальное время — увы! — ходилъ на лекціи не подготовленный и читалъ по какимъ-то старымъ, обрѣваннымъ тетрадамъ...

по отношенію къ намъ, ревность другихъ членовъ кружка, которые укоряли насъ то въ «товарищескомъ эгоизмѣ», то въ «товарищескомъ деспотизмѣ», и я съ истиннымъ удовольствіемъ вспоминаю теперь эти, въ сущности, совершенно-нелѣпыя термины, потому что они живописуютъ мнѣ тогдашнюю жизнь нашего милаго кружка, которому мы все обязаны значительною долею своего нравственнаго роста и развитія... Такъ, рука-объ-руку и душа въ душу, мы прошли съ Егоромъ Егоровичемъ все четыре года тогдашнiго университетскаго курса — сначала, какъ студенты, а затѣмъ, какъ вольнослушатели, вмѣстѣ держали экзаменъ на кандидата и вмѣстѣ вступили въ жизнь. Вступили мы въ жизнь по двумъ совершенно различнымъ путямъ: черезъ три мѣсяца по окончаніи курса въ университетѣ я былъ уже женатъ и поступилъ на службу, по которой пошелъ довольно быстро и успѣшно; черезъ три года службы защитилъ магистерскую диссертацию и могъ вскорѣ послѣ того начать свою профессорскую карьеру... А Егоръ Егоровичъ все еще только обдумывалъ свою будущую дорогу, все еще только готовился къ ней и все еще испытывалъ свои силы, все еще собиралъ матеріалы для своей будущей диссертации. Чрезвычайно строгій къ себѣ, одаренный сильно-развитымъ критическимъ чутьемъ, онъ и смолоду не былъ зараженъ тою юношескою самонадѣянностью, которая заставляетъ спѣшить многихъ молодыхъ ученыхъ къ печатанью статей, диссертаций и изслѣдованій, иногда весьма незрѣлыхъ... Въ противоположность этому типу, Е. Е. Замысловскій накоплялъ и громоздилъ матеріалъ, жадно увеличивалъ и расширялъ запасъ своихъ свѣдѣній, но нисколько не спѣшилъ начинать свою профессорскую карьеру и, даже вполнѣ уже готовый къ ней, долго еще оставался скромнымъ преподавателемъ исторіи въ какомъ-то женскомъ институтѣ.

Въ періодъ времени между 1861—1871 годами, когда я служилъ въ провинціи и наѣзжалъ въ Петербургъ только урывками, я, при каждомъ свиданіи съ своимъ другомъ, видѣлъ и замѣчалъ его успѣхи, его быстрое поступательное движеніе въ области русской исторической науки и любовался не разъ тою степенною и положительною критическою повадкою, съ которою онъ умѣлъ вступить въ любую область русской исторіи и намѣтить въ ней и задачи для изслѣдованія и путь самаго изслѣдованія... Когда же я вернулся въ Петербургъ и поселился въ немъ, послѣ моей отставки, то видѣлся часто съ Егоромъ Егоровичемъ и, бесѣдуя съ нимъ иногда по цѣлымъ вечерамъ, я увидѣлъ уже передъ собою вполнѣ сложившагося человѣка и готоваго, серьезнаго, ученаго, который работалъ по первоисточникамъ и могъ тягаться съ самыми крупными нашими историческими авторитетами по обилію, разнообразію и положительности своихъ свѣдѣній. Около этого времени, то-есть въ началѣ 1870-хъ годовъ, онъ уже успѣлъ защитить свою магистерскую диссертацию, жениться (по любви) на одной изъ бывшихъ

своихъ ученицъ и вступить на кафедру русской исторіи при Филологическомъ институтѣ.

Жизнь практическая дивилась ему какъ-то чрезвычайно туго: совершенно неподготовленный къ ней, онъ, однако же, вступалъ въ тѣмъ правилами, отъ которыхъ не любилъ отступать... Самостоятельный и устойчивый въ своихъ воззрѣніяхъ, онъ, неспособный быть ни къ какимъ уступкамъ, ни къ какому искательству, и потому беззавидна. Всѣ знали о его трудахъ и заслугахъ, всѣ понимали его и значение Егора Егоровича, но какъ-то обходили его стороной и забывали о немъ тогда именно, когда его слѣдовало продвигать впередъ, чужъ въ немъ весьма непокладливаго и неподатливаго въ итѣннать «члена совета...». Онъ это отлично понималъ и весьма спокойно къ этому относился, зная себя цѣну. «Придетъ и наше время», — говаривалъ онъ мнѣ не разъ въ дружеской бесѣдѣ, разсказывая о своихъ служебныхъ невзгодахъ. И онъ не ошибся: его время пришло, его корабль, наконецъ, тронулся съ мели — онъ занялъ въ университетѣ кафедру, покинутую К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ, и занялъ ее вполне заслуженно, занялъ потому, что никому другому нельзя было эту кафедру предложить, а за Е. Е. Замысловскимъ была уже весьма крупная извѣстность ученая, не столько по его личнымъ, печатнымъ трудамъ, сколько по его большому количеству серьезныхъ и весьма цѣнныхъ работамъ по Археографическому комитетѣ. Само собою разумѣется, что прежде, нежели онъ выдвинулся и занялъ выдающееся положеніе, ему пришлось пережить очень трудные полтора десятка лѣтъ, и съ матеріальными сторонами жизни ему не легко было справляться... Но эти матеріальные затрудненія онъ переносилъ съ удивительнымъ стоицезмомъ, опираясь на ту неизмѣнно-преданную подругу жизни, которую ему послала судьба. Я рѣдко встрѣчалъ въ жизни человѣка, который бы строже умѣлъ относиться къ своимъ потребностямъ, строже и тѣснѣе ограничивать кругъ ихъ, и позволялъ себѣ только одну роскошь: траты на необходимыя книги... И не смотря на эти житейскія затрудненія, не смотря на всякія практическія трудности, онъ не спѣшилъ съ своей докторской диссертацией, не спѣшилъ и съ выпускомъ своего «Атласа по русской исторіи», хотя и тотъ и другой трудъ должны были значительно улучшить его матеріальное положеніе; онъ стойко и твердо велъ эти труды къ опредѣленному концу и частенько посмѣивался, вспоминая, какъ о совершенно несбыточной фантазіи, о томъ, что у него еще въ виду имѣется получение крупнаго наслѣдства, и что ему, слѣдовательно, унывать не приходится. Обончаніе докторской диссертации было весьма важнымъ шагомъ въ жизни для Е. Е. Замысловскаго: онъ утвердился на университетской кафедрѣ и въ то же время, какъ человѣкъ,

известный своими педагогическими заслугами, въ качествѣ руководителя учащейся молодежи, удостоенъ былъ высокой чести приглашенія занять мѣсто преподавателя исторіи при его императорскою высочествѣмъ наследникѣмъ цесаревичѣ, нынѣ благополучно царствующемъ Государѣ Императорѣ. Всѣ блага какъ-то вдругъ пришли разомъ: и матеріальное благосостояніе, и почести, и награды... и даже то легендарное наследіе, о которомъ мы съ Егоромъ Егоровичемъ мечтали, когда-то посмѣиваясь весьма сомнительно! Явилось полное матеріальное обезпеченіе — заронились и мечты о будущихъ трудахъ, будущихъ работахъ на широкомъ основаніи спокойнаго, свободнаго досуга... Но суровый недугъ, давно уже проявившійся у Егора Егоровича довольно загадочными припадками, сторожилъ свою жертву, захватилъ ее въ безошадные когти — и пять-шесть лѣтъ сряду, медленно и мучительно влачилъ къ печальному, неизбежному концу...

Въ лицѣ покойнаго Егора Егоровича русская историческая наука понесла весьма серьезную и тяжелую утрату. Въ теченіе четверти вѣка, по меньшей мѣрѣ, онъ работалъ неутомимо надъ тѣми именно сторонами ея, которыя тщательно обходились всеми нашими историками. Русская историческая географія и въ особенности картографія были имъ впервые подробно и серьезно разработаны и поставлены на твердую научную основу. Свои обширныя и всестороннія знанія въ этой области науки онъ применилъ и къ изученію драгоценной книги Герберштейна, проливъ яркій свѣтъ на многія весьма темныя страницы этого знаменитаго ученаго и писателя... Одновременно массу труда положилъ онъ и на изученіе быта и матеріальнаго положенія общей массы населенія древней Руси, посвятивъ много лѣтъ жизни на разработку и печатаніе «переписныхъ» книгъ — памятниковъ весьма важныхъ, на которые покойный другъ мой (если не ошибаюсь, первый между русскими учеными) обратилъ серьезное вниманіе. Работалъ онъ постоянно и очень много, не щадя ни силъ, ни энергіи на разработку самыхъ мелочныхъ и, повидимому, самыхъ сухихъ подробностей въ этой области, которую избиралъ для изслѣдованія... Онъ останавливался въ своемъ упорномъ, суровомъ и настойчивомъ трудѣ только тогда, когда у него не оставалось болѣе сомнѣній, и истина становилась для него ясною, какъ день... Такъ училъ онъ работать и то молодое поколѣніе, которое приходило къ нему учиться, и которое онъ руководилъ въ научныхъ начинаніяхъ... Да, такъ умѣютъ работать немногіе, и для блага и процвѣтанія русской исторической науки мы можемъ только пожелать ей, чтобы въ ней побольше было такихъ добросовѣстныхъ и неутомимыхъ тружениковъ, какъ Егоръ Егоровичъ Замысловскій, котораго такъ рано свосила неумолимая смерть... Честь и слава его трудамъ — и миръ его праху.

П. Полевой.